

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Орехов В. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье осуществляется попытка использовать принципы теории межкультурных коммуникаций при решении вопросов имагологии. Предлагается рассматривать межлитературный имагологический диалог в качестве типичной ситуации интеркультурного общения, где в роли автора выступает совокупность французских литераторов, в роли читателя – российская публика, в качестве сообщения – «русский текст» во французской литературе, а в качестве читательского отклика – текст ответной рецепции.

Ключевые слова: имагология, теория межкультурных коммуникаций, рецепция, русская литература, текст.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время литературная имагология, ориентированная на исследование национальных типов и образов в различных сферах словесности, находится на стадии формирования методологии и концептуальной основы. В связи с этим представляется своевременным обсудить вопрос о возможных векторах имагологических исследований, о пересечении этих векторов с магистральными направлениями наук гуманитарного цикла.

Цель настоящей статьи – доказать применимость теории межкультурных коммуникаций (ТМК) при решении проблем имагологии, в частности, при исследовании диалогического бытования национальных имиджей в литературе. При этом необходимо решить следующие задачи: обозначить сферу интересов, общую для имагологии и для теории межкультурных коммуникаций; определить степень востребованности принципов ТМК при решении вопросов интерлитературного общения; продемонстрировать продуктивность этих принципов в условиях исследования конкретной ситуации межлитературного диалога. Объект статьи – возможность использования достижений ТМК в области имагологии, предмет – особенности коммуникативной модели русско-французского имагологического диалога. В перспективе результаты статьи могут быть применены в решении актуальных вопросов литературной компаративистики.

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

На первых этапах существования имагология была занята почти исключительно реконструкцией национального образа (имиджа) той или иной страны в инонациональной литературе (М. П. Алексеев, Д. С. Наливайко, М. Кадо и др.). Однако отметим, что национальный образ всегда или почти всегда формируется в условиях межлитературного диалога, что оказывает серьезное (если не определяющее) воздействие на содержание и структуру этого образа. В качестве иллюстрации произвольно выберем ситуацию русско-французского имагологического диалога первой половины XIX в.

В этот период французская литература активно осваивала русскую тематику. Формировался французский литературный образ России и русских, воплощенный во множестве разнородных текстов. И важно, что этот процесс привлекал пристальное внимание российских литераторов и читателей. Более того, русская литература стремилась повлиять на имидж России во французской литературе, формулировала «ответ» на французские суждения о России и русских (этот ответ мы будем далее называть «ответной рецепцией»). Завязывался межлитературный диалог, посвященный литературному портрету России. Думается, что рассмотрение этого диалога с позиций теории межкультурных коммуникаций, позволит наметить методологические основы его дальнейшего изучения.

В современной культурологии прочно занял место «диалогический подход». Концепции, связанные с исследованием межкультурного обмена информацией, – прерогатива теории межкультурных коммуникаций. Воронежский исследователь Л. Ботникова высказывает убеждение, что «при соприкосновении одной эстетической системы с другой обязательно возникает момент диалога, неосознанного стремления <...> выразить себя, в том числе и со стороны национального менталитета» [3, с. 8]. Нас как раз и интересуют случаи, когда один из участников выражает себя со стороны национального менталитета, но делает это вполне сознательно, целенаправленно. Иными словами – когда обсуждение менталитета и имиджа страны превращается в тему межкультурного диалога.

На наш взгляд, в наиболее сконцентрированном виде принципы ТМК изложены в работе харьковского исследователя П. Н. Донца [4], обобщившего опыт целого ряда ученых. Его схема межкультурного общения способна внести дополнения в модель диалога между читателем и автором. Впрочем, во многом Донец совершенно солидарен с исследователями читательского восприятия. Так, он, подобно Г. Яуссу, Н. Игнатенко и М. Науману, настаивает на том, что процесс коммуникации имеет «двухвекторную» природу. Случаи, когда обратная коммуникативная связь («ответная рецепция») отсутствует (механическое культурное заимствование), ученый отказывается считать проявлением коммуникации, поскольку при этом отсутствует элемент обмена информацией. Разница с моделью литературной рецепции порой заключается лишь в дефинициях (участников диалога Донец именует коммуникантами, условия коммуникации – ситуацией) и не имеет принципиального значения. Однако на одном терминологическом расхождении необходимо остановиться подробно.

ТЕКСТ

Основной «инструмент коммуникации» (а мы бы сказали «носитель информации») Донец называет «текстом». Заметим: в теории читательского восприятия аналогичный элемент – объект рецепции – называется «художественным произведением», или «продуктом писательской деятельности». Это и понятно: под читательской рецепцией подразумевается прежде всего восприятие художественной литературы, а теория межкультурной коммуникации уже по определению охватывает более широкий спектр явлений. Если же учесть, что рамки предмета, которым занимается теория межкультурных коммуникаций, до сих пор четко не определены, а понятие «культура» вообще относится к одним из самых широких и многозначных, то станет ясным, что к носителям культурной информации можно отнести не только литературу, но и почти любое произведение человеческого разума. Следовательно, и определение для этого носителя культурной информации должно быть максимально обобщающим.

Такая универсальная дефиниция была предложена Ю. М. Лотманом, который модифицировал значение термина «текст». Ученый определил текст как «нечто, наделенное не только единством выражения, но и единством содержания» [12, с. 6], и выразил мысль, что «культура в целом может рассматриваться как текст» [12, с. 18]. С легкой руки Лотмана термин «текст» в обновленном качестве вошел в научный оборот на правах «модного», и, нужно отметить, зачастую используется без ясного понимания, что он выражает. Так, Е. В. Столов, пытаясь разъяснить свою интерпретацию термина, заявляет: «Текст меня интересует не сам по себе, не в качестве объекта науки, а как явление культурное. Текст для меня <...> как бы оболочка, наполняемая смыслом» [25, с. 38]. Даже если отбросить выражение «как бы», которое напрочь лишает формулировку определенности, остается много загадочного. Как, например, текст может интересоваться в качестве «явления культурного», но при этом не интересоваться «сам по себе»? Как может текст становиться предметом научной статьи, но при этом не превращаться в «объект науки»? Как, наконец, текст может существовать в виде одной только «оболочки» до тех пор, пока она не наполнится смыслом?

Гораздо искреннее выглядит позиция Л. Таран – составителя монографии «Женщина как текст». Собрав биографические сведения о трех женщинах-литераторах и фрагменты их творчества, Л. Таран стремилась отразить в названии книги начало, объединяющее материалы, однако в предисловии откровенно признается: «Честно скажу: я не знаю, что это такое – женщина как текст» [5, с. 7]. Среди научных определений «текста» встречаются довольно поэтические, но далеко не конкретные. В. П. Руднев, например, резюмирует: «Реальность – это текст, написанный Богом, а текст – это реальность, созданная человеком» [20, с. 308].

И все же востребованность модифицированного термина «текст» не может вызывать сомнений. Иной вопрос, что его определенность и сейчас составляет предмет обсуждения. В 2003 г. в Северодвинске состоялась международная конференция со значимым названием «Северный текст в русской культуре». Характерно, что из множества обсуждавшихся вопросов именно понятие «северный текст» вызвало наиболее оживленную дискуссию, где высказывались весьма ценные

соображения. К сожалению, сборник материалов конференции не отражает хода этого импровизированного спора, однако даже беглый взгляд на опубликованные статьи позволяет уяснить, насколько разнообразно толкование термина «текст». Между тем, количество материалов, представленных и на эту конференцию, и на другие – с «текстом» в заглавии – говорят о том, что термин более или менее вняттен научной общественности [22].

Думается, полностью преодолеть разноголосицу в трактовке термина «текст» вряд ли скоро удастся: слишком разнообразны сферы его применения. Целесообразнее остановиться на том, чтобы каждая область знаний (скажем, лингвистика, журналистика, источниковедение) использовала его в соответствии с внутридисциплинарными традициями и потребностями. Исходя из этого, попытаемся определить лишь те качества дефиниции «текст», которые были бы применимы в имагологическом аспекте и, в частности, в решении нашего вопроса.

Ю. М. Лотман выразил мысль, что «законы построения художественного текста в значительной мере суть законы построения культуры как целого»: «Это связано с тем, что сама культура может рассматриваться как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты <...> и как одно сообщение, отправляемое коллективным «Я» человечества самому себе» [10, с. 42]. То есть культура как текст представляет собой «иерархию текстов в тексте» [12, с. 18]. Однако как вычленишь из этого «сложного переплетения текстов» [12, с. 18] его составные единицы?

Обратим внимание, что Лотман трактует текст в качестве некоего сообщения. Отсюда следует, что текст как любое сообщение может быть выделен из общего потока информации по нескольким признакам, например: в соответствии с автором высказывания, целью высказывания, адресатом высказывания, темой высказывания и т.д. Практика показывает, что тексты (в широком, лотмановском, культурологическом значении) выделяются исследователями из общекультурного текста в первую очередь исходя из семантики. Так, В. В. Абашев предпринял исследование «пермского текста» [1], Стефания Андрусов – «львовского текста» [2], В. Н. Топоров – «петербургского текста» [27]. Этот ряд можно было бы продолжить. Но отметим, что исследователь может ограничить текст по дополнительным критериям. Так, С. Андрусов сосредоточивает внимание на – «львовском тексте» 1930-х гг., а В. Н. Топоров – на «петербургском тексте», бытующем в русской литературе.

Вычленив определенный текст из общекультурной реальности, исследователь подразумевает, что этот текст, в свою очередь, является совокупностью других текстов (по некоторым определениям «гипертекстом» [20, с. 69], или «сверхтекстом» [1, с. 11]), подчиненных ему иерархически (Лотман именует эти составные единицы «вариациями текста», С. Андрусов – «субтекстами»). Скажем, В. В. Абашев включает в структуру «пермского текста» «все высказывания о Перми и вообще все знаковые манифестации “пермскости”» [1, с. 23], а С. Андрусов включает в «львовский текст» «все вербальные тексты вместе с устными повествованиями, визуальными текстами» [2, с. 50]. То есть текст предстает единством семантически однородных сообщений.

Имеет ли смысл применение модифицированного термина «текст» в литературной имагологии?

Материалом для имагологических изысканий служат литературные отражения инациональных стран и народов. Эти отражения чрезвычайно разнообразны по объему, жанру, значимости и т.д. Определяя материал для конкретного исследования, ученый вынужден перечислять формы воплощения рецепции. В монографии Д. С. Наливайко «Казацкая христианская республика» (1992), например, в поле анализа попадают, кроме западноевропейских художественных произведений, историографические и публицистические сочинения, а также описания путешествий, мемуары, письма, дневники, послания, реляции, трактаты и т.д. [15, с. 15]. Понятно, что при том объеме источников, который использует Д. С. Наливайко, исчерпывающее перечисление хотя бы только их жанров весьма затруднительно.

С проблемой определения источников столкнулись и мы в работе «Миф о России во французской литературе». Тогда мы указали область использованного материала следующим образом: «индивидуально-художественные образцы разрешения «русской» темы, описания, обобщающие рассуждения, замечания и отрывочные упоминания о России Стендаля, П. Мериме, Ж. де Сталь, В. Гюго, О. Бальзака, А. Дюма, П.-Ж. Беранже и ряда других авторов» [16, с. 7]. Но такое описание источников определяет лишь их объем и принадлежность авторам, что нельзя считать исчерпывающей характеристикой.

Впрочем, подобные репрезентации материала занимают в исследованиях, как правило, незначительное место, и связанные с ними затруднения можно было бы не принимать в расчет. Тем более, что момента конкретизации источников избежать все равно невозможно. Но проблема в ином: индивидуальная формула, используемая для представления материала, неизбежно и постоянно должна использоваться в дальнейших рассуждениях – как определение сферы бытования конкретных имагологических образов. Как же быть в тех случаях, когда о множестве фактов литературного воплощения инациональной рецепции приходится говорить в ходе анализа, когда определение суммы этих фактов должно быть предельно лаконичным и всеобъемлющим, внятным для других ученых и отвлеченным от частных?

Подобное определение подбирается наукой, сколько мы можем судить, с конца XVIII – начала XIX в. И. Штриттер, издав в 1770 – 1775 гг. извлечения из византийской источников о славянской истории, озаглавил их «Известия византийских историков...» [30]. Сходную формулу использовал через сто лет Л. П. Рушинский, употребив выражение «сведения иностранных писателей» [21]. Н. Устрялов, В. Ключевский и В. Макушев использовали термин «сказания иностранцев (современников)» [28, 8, 13]. В. Семенов назвал свое собрание «Библиотекой иностранных писателей о России» [23], а Р. Минцлоф поименовал зарубежные источники «иностранными сочинениями о России» [14]. В XX в. часто употреблялось выражение «записки иностранцев» [6, 9]. А Лотман использовал термин «высказывания иностранцев о России» [11]. Кроме того, массив зарубежных

произведений о стране мог именоваться, как, например, у Е. Ю. Пеленского «украиникой» либо, соответственно, «россикой» [19].

Кажется, ни один из приведенных терминов не обладает универсальностью. Так, «известия» и «сведения» акцентируют внимания лишь на историко-фактографической стороне вопроса. Под «сказанием» в современном литературоведении подразумеваются исключительно поэтические произведения [24, с. 355]. «Сочинение» является, по сути, абсолютным синонимом «произведения». Наименование «записки» не способно охватить все жанры художественной литературы. Термины «украиника», «россика», как и «библиотека», слишком ассоциируются с библиотечными каталогами и собраниями книг, специально посвященных стране. К «украинике» (как и к «сочинениям», скажем, никак нельзя отнести фрагментарные упоминания об Украине, рассыпанные во многих зарубежных произведениях.

В романе Э. Сю «Жан Кавалье» один из героев рассказывает: «Во время турецкого похода в моей дружине украинских карабинеров нашлось два десятка молодых, способных превзойти самого заклятого палача; так искусно они искрошили сыновей Магомета, захваченных нашей главной стражей <...>» [26, с. 58]. В романе нет иных упоминаний об Украине, и ясно, что этот эпизод и весь роман никогда не войдут ни в один перечень произведений об Украине. Однако этот фрагмент, несомненно, важен с имагологической точки зрения, поскольку отражает традицию европейской литературы XIX в. видеть в украинских казаках подобие пиратов и прочих искателей приключений, описывать необузданность их свободы и суровость нравов. В данном случае весьма точно применим термин Лотмана – «высказывание», но зато эта дефиниция не применима к масштабным произведениям. Условно говоря, «высказыванием» можно было бы назвать любой литературный факт, но все же в приложении к многотомным историческим трудам, философским трактатам, романам и проч. этот термин вряд ли будет гармонировать.

Поэтому мы и предлагаем для объединения всего имагологического материала, закрепленного в слове, – от одной фразы до исторической хроники, от легенды до энциклопедии – коммуникативно-культурологический термин «текст». Причем применительно к конкретному предмету исследований этот термин должен сопровождаться уточняющими характеристиками. Так, в нашем случае речь идет о «российском тексте французской литературы» и о «тексте ответной рецепции».

Эти «сверхтексты», объединяющие множество «текстов в тексте» строятся по принципу типичного текста. Например, в «российском тексте» легко вычлняются основные персонажи (царь, барин, казак, ямщик и т.д.), он обладает определенным хроносом и топосом [см.: 17; 18], наконец, он воспринимается читателем, как нечто целостное и имеет специфические коды (среди которых национальные стереотипы, мифологемы и т.д.). Точно так же в «тексте ответной рецепции» можно найти персонажи (и среди них главный – иностранный автор), можно определить хронотоп (чаще всего – неопределенно-протяженное время в инациональном пространстве) и можно опять же очертить его рамки и выявить коды. Кроме того, эти тексты можно, по примеру Лотмана, представить как в виде отдельных сообщений, отправляемых внутри национальной литературы, так и в виде одного сообщения, посылаемого одной национальной литературой – другой. Но об этом речь пойдет далее.

МОТИВАЦИИ И ИНТЕНЦИИ

Без учета этих факторов даже детальная реконструкция диалога не позволит нам уяснить причин, которые вызвали диалог. П. Н. Донец включает их в коммуникативную модель как неперенные и формулирует их суть следующим образом:

«Мотивации – потребности, интересы, мотивы, побуждающие коммуникантов начинать какую-либо деятельность и/или вступать в коммуникацию. Интенции – намерения, задачи и цели, которые преследуются коммуникантом» [4, с. 50].

В отношении «русского текста французской литературы» вопрос более или менее ясен. Исследователи не раз подробно останавливались на мотивах и целях, заставлявших французских авторов обращаться к русской теме. Здесь прослеживается и интерес французской литературы к экзотике, и стремление к объективным знаниям, и желание отдельных авторов проявить себя на родине в отношении к российскому деспотизму, и надежды приобрести благосклонность русского двора и т.д. и т.п. Однако собственно «русский текст французской литературы» в данном случае нас специально не интересует. Для нас важна иная сторона – мотивации и интенции ответной рецепции. Что заставляло русских авторов реагировать на суждения французов о России? Какие цели они при этом преследовали?

Даже поверхностный взгляд позволяет уловить разнообразный спектр причинно-целевых установок, руководивших русскими литераторами. Кто-то был спровоцирован к полемике конкретным произведением о России, а кто-то – общим настроением французской публицистики и литературы; кто-то вступал в спор из-за уязвленного чувства патриотизма, а кто-то по прямому указанию правительства; кто-то желал высказать соображения о несправедливости иностранных мнений соотечественникам, а кто-то стремился повлиять на мнения иностранных авторов, кто-то желал уяснить особенности национального менталитета на фоне иностранных оценок, а кто-то – вписаться в русло официальной идеологии. Разнообразие причин и намерений делает структуру «текста ответной рецепции» чрезвычайно многогранной.

КОММУНИКАЦИЯ И АВТОКОММУНИКАЦИЯ

Вернемся к той мысли, что текст обладает способностью передаваться по двум коммуникативным каналам: внутрикультурному (внутрилитературному) и межкультурному (межлитературному). Теорию межкультурных коммуникаций интересует последнее. П. Н. Донец определяет при этом внутрикультурное общение как «аппозитивный коррелянт» [4, с. 102] интеркультурного обмена информацией. Однако выскажем соображение, что межкультурные коммуникации невозможны без коммуникаций внутрикультурных, причем именно внутрикультурное общение формирует продукт дальнейшего информационного обмена между разными культурами.

Структура восприятия текста включает в себя момент формирования реакции на текст. По выражению В. Изера, «в процессе чтения существуют два уровня»: чужое “я” и реальное “я”, которые никогда не отделяются одно от другого» [7, с. 275]. Авторское «Я» сталкивается с «Я» читателя, авторский горизонт ожидания взаимодействует с читательским. Несовпадение горизонтов ожидания вызывает потребность читательского отклика. Но читатель должен иметь возможность выработать свою позицию по отношению к тексту, сопоставить новую информацию с собственным тезаурусом, обдумать ответ на текст, то есть – обсудить свою позицию с самим собой. Этот момент «обдумывания», или автокоммуникации, невозможно исключить из общей коммуникативной цепи, поскольку в противном случае придется признать, что в процессе диалога читатель не отправляет новую информацию, а лишь механически отражает полученное сообщение в том виде, в каком его получил.

Это свойство легко проецируется на структуру ответной рецепции. Тексты ответной рецепции зачастую адресованы вовсе не французским литераторам, чьими произведениями они спровоцированы, а – российским читателям и мастерам слова. В российской литературе и публицистике шел процесс обсуждения национального текста ответной рецепции, национальной позиции по отношению к французскому тексту о России. Осуществлялась автокоммуникация, по выражению исследователя В. К. Харченко, «с опорой на национальную идентичность» [29, с. 94]. И только проанализировав внутрилитературный процесс «обдумывания» «ответа за границе» в совокупности с межкультурным функционированием этого «ответа», мы сможем всесторонне оценить феномен ответной рецепции.

ВЫВОДЫ

Итак, мы перенесли проблему имагологии в плоскость коммуникативных теорий. В таком преломлении цель имагологического исследования вообще (и предложенной нами проблемы русско-французских литературных отношений, в частности) должна быть сформулирована следующим образом: доказать, что имагологические образы (образы России и русских) инициировали процесс циркулирующей коммуникации между национальными (русской и французской) литературами. При этом необходимо сосредоточить внимание на интервале «обратной связи», или «ответной рецепции», поскольку именно наличие обратного канала передачи информации подтверждает наличие диалога. То есть зона исследования заявленной нами конкретно-исторической проблемы должна быть сужена до пределов реальной читательской ситуации в условиях межкультурного общения, где в роли автора выступает совокупность французских литераторов, в роли читателя – российская публика, в качестве сообщения – «русский текст» во французской литературе, а в качестве читательского отклика – текст ответной рецепции.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во пермского ун-та, 2000. – 404 с.
2. Андрусів С. М. Модус національної ідентичності: Львівський текст 30-х років XX ст. / С. М. Андрусів. – Львів – Тернопіль: ЛНУ – Джура, 2000. – 340 с.
3. Ботникова Л. Литература и изучение национальной идентичности / Л. Ботникова // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Мат-лы научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 2000. – Т. 2. – С. 4 – 12.
4. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Харьков, 2001. – 386.
5. Жінка як текст: Емма Андіївська, Соломія Павличко, Оксана Забужко: фрагменти творчості і контексти / Сост. Л. Таран. – К.: Факт, 2002. – 208 с.
6. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. – М.: Наука, 1968. – 173 с.
7. Ізер В. Процес читання: феноменологічне наближення / В. Ізер // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів, 1996. – С. 263 – 276.
8. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. – М.: Прометей, 1991. – 334 с.
9. Ларин Б. А. О записках иностранцев как источнике по истории русского языка / Б. А. Ларин // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук. – Л.: ЛГУ, 1946. – С. 71 – 85.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
11. Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России / Ю. М. Лотман // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию ак. М. П. Алексева. – Л.: Наука, 1976. – С. 125 – 132.
12. Лотман Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. – Тарту: ТГУ, 1981. – С. 3 – 18.
13. Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян / Макушев В. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1861. – 178 с.
14. Минцлоф Р. Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге / Р. Минцлоф. – СПб., 1872. – 691 с.
15. Наливайко Д. С. Казацька християнська республіка (Запорозька Січ у західноєвропейських літературних пам'ятках / Д. С. Наливайко. – К., 1992. – 494 с.
16. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Дисс. на соискание науч.ст. к.ф.н. / В. В. Орехов. – Симферополь, 2001. – 222 с.
17. Орехов В. В. Россия: Север или Восток? Отвечает французская литература первой половины XIX века / В. В. Орехов // Северный текст в русской культуре: Материалы международной конференции, Северодвинск, 25-27 июня, 2003. – Архангельск: Поморский университет, 2003. – С. 223 – 234.
18. Орехов В. В. Французский миф о судьбах России: первая половина XIX в. / В. В. Орехов // Література в контексті культури. Збірник наукових праць. Вип. 10. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2002. – С. 24 – 29.
19. Пеленської Є. Ю. Усгаїпіса в західноєвропейських мовах / Є. Ю. Пеленської. – Мюнхен: Бистриця, 1948. – 111 с.
20. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М., 1999. – 384 с.

21. Рущинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII в. /Л. П. Рущинский. – М.: Университетская типография, 1871. – 335 с.
22. Северный текст в русской культуре: Мат-лы междунар. конф., Северодвинск, 25-27 июня 2003 г. – Архангельск: Поморский университет, 2003. – 272 с.
23. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России / В. Семенов. – Отд. I. – Т. I. – СПб., 1836; Отд. I. – Т. II. – СПб., 1847.
24. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
25. Столов Е. В. Текст как система координат для культурной самоидентификации / Е. В. Столов // Текст-2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы. Мат-лы Всероссийской научн. конф. Ч. 1. – Ижевск, 2001. – С. 38 – 40.
26. Сю Э. Жан Кавалье / Э. Сю. – Николаев: Академия, 1994. – 416 с.
27. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 617 с.
28. Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. В V ч. / Н. Г. Устрялов. – СПб., 1831 – 1834.
29. Харченко В. К. Теоретические и практические проблемы аутокоммуникации / В. К. Харченко // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Мат-лы науч. конф. (Воронеж – Задонск, 3-6 июля 2000 г.): В 2 т. – Воронеж: ЦИКИ, 2000. – Т. 1. – С. 90 – 97.
30. Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. В 4-х ч. / И. Штриттер. – СПб.: Императорская академия наук, 1770-1775.

THE NATIONAL IMAGE AS A RESULT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

V.V. Orekhov

The article is an attempt to use the principles of intercultural communication theory in dealing imagology. The purpose of this article – to prove the applicability of the theory of intercultural communication in solving imagological problems, in particular, in the study of dialogical existence of national image in literature. It is necessary to achieve the following objectives: to identify the area of interest common to imagology and intercultural communication theory; determine the extent of demand for the principles of the theory of intercultural communication in dealing communication; demonstrate the productivity of those principles in a case study of cross-literary dialogue. Article object – the ability to use the achievements of intercultural communication theory in imagology, subject – particularly communicative model of cross-literary imagological Russian-French dialogue. In future articles the results can be applied in solving urgent issues Comparative Literature.

If further study of cross-literary imagological dialogue proposed to use the concept of "text", "the response reception", "motivation", "intention", "autocommunication". With regard to the theory of intercultural communication purpose imagological research in general (and proposed in the article the problem of Russian-French literary relations, in particular) may be formulated as follows: to prove that imagological images (Russian and Russian images) initiated the process of circulating communications between national (Russian and French) literatures. It is necessary to focus on a range of "feedback" or "reception response" because it is the presence of reverse channel transfer data confirms the presence of dialogue. That is, the study area is declared a concrete historical problems should be narrowed to the limits of the actual readership of the situation in terms of intercultural dialogue, where the role of the author advocates a set of French writers, in the role of the reader - the Russian public, as a message – "the Russian text" in French literature, as well as the reader's response – the text of the response reception.

Keywords: imagology, theory of intercultural communication, reception, Russian literature, text.